

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В 1991–1993 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН): ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Тимербулатов Тагир Алифович

*Башкирский государственный университет, г. Уфа
ib.105@yandex.ru*

Юсупов Рахимьян Галимьянович

*Д.и.н., профессор, Башкирский государственный
университет, г. Уфа
yusupovr.g@yandex.ru*

PREREQUISITES OF THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL BASES OF INFORMATION SECURITY IN 1991–1993 (ACCORDING TO MATERIALS OF BASHKORTOSTAN REPUBLIC): HISTORICAL OVERVIEW

**T. Timerbulatov
R. Yusupov**

Abstract: At the initial stage of the formation of statehood of the Russian Federation, that is, in the period after the collapse of the Soviet Union until the adoption of the new Constitution of the Russian Federation, the concept of "information security" was not used in Russian regulatory legal acts. However, the problem of information protection, relevant from ancient times, was acute even then. The author made an attempt to investigate the question of how the prerequisites for the development of the legal foundations of information security in the Russian Federation were formed. The contribution of regional legislation (in particular, the legislation of the Republic of Bashkortostan) to the solution of the problem is studied. It has been established that during the study period there was no single interpretation of the concept of "information" in the laws. The term was used in two senses: common and narrow (as a term from the field of computer science). In the distribution of powers of federal and regional government departments, it was determined that the Federation takes charge of the regulation of issues related to computer information. This restriction did not apply to information in the common sense. In addition, the subjects of the Russian Federation were removed from lawmaking in relation to state secrets. The scope of the information security problem at that time was not yet formed. The adopted laws indicate that the legal system developed only in certain areas of this plan and related to the media, intellectual property, archival affairs, as well as state secrets. Regions had the opportunity to regulate the use of information in areas such as the media, archives, and non-computer intellectual property. The author studied the official documents of 1991–1993. and showed which of the opportunities and how were realized in the Republic of Bashkortostan.

Keywords: history of law, information, information protection, information security, powers of federal and regional government departments

Аннотация: На начальном этапе формирования государственности Российской Федерации, т. е. в период после распада Советского Союза до принятия новой Конституции РФ, в российских нормативно-правовых актах понятие «информационная безопасность» не использовалось. Однако актуальная с древних времен проблема защиты информации стояла перед законодателем и тогда. Автор предпринял попытку исследовать вопрос о том, как складывались предпосылки развития правовых основ информационной безопасности в РФ, в каких документах нашли отражения частные проявления этой сферы, какой вклад в решение проблемы внесло региональное законодательство, в частности, законодательство Республики Башкортостан. Установлено, что в исследуемый период в законах единого толкования понятия «информация» не было. Понятие употреблялось в двух смыслах: общеупотребительном и узком, как термин из области информатики. Причем при распределении полномочий федеральных и региональных органов государственной власти было определено, что регулирование вопросов, связанных с компьютерной информацией, принимает на себя Федерация. На информацию в общеупотребительном смысле данное ограничение не распространялось. Кроме того, субъекты РФ отстранялись от законотворчества в отношении государственной тайны. Охват проблемы защиты информации еще только формировался, а принятые законы свидетельствуют о том, что правовая система развивалась лишь в отдельных направлениях этого плана и касалась СМИ, интеллектуальной собственности, архивного дела, а также государственной тайны. Регионы имели возможность регулировать использование информации в таких сферах, как СМИ, архивы и интеллектуальная собственность, не связанная с ЭВМ. В статье с использованием официальных документов 1991–1993 гг. показано, какие из возможностей и каким образом реализовывались в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: история права, информация, защита информации, информационная безопасность, полномочия федеральных и региональных органов государственной власти.

Вопрос о региональном аспекте формирования принципов информационной безопасности находится в прямой связи с внутривластными процессами в России на рубеже 1990-х годов и с открывшимися для регионов законодательскими возмож-

ностями. В этот период страна с тревогой наблюдала за конфликтом властных интересов Президента СССР М.С. Горбачева и Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина. В апреле 1990 г. был принят Закон СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и

субъектами Федерации», согласно которому субъектами СССР становились не только союзные, но и автономные республики. Закон, по сути, разваливал систему российской государственной власти и превращал РСФСР, по словам В.А. Овчинникова, в «аморфное территориально-государственное образование». Есть мнение, что, если бы руководство РСФСР не приняло тогда контрмер, Россию могла постичь участь СССР [1, с. 37–38]. Но события развернулись по другому сценарию. В целях сохранения целостности России 12 июня 1990 г. I Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, провозгласив независимость России по отношению к СССР. Тогда же был избран первый Президент РСФСР – Б.Н. Ельцин [1, с. 37–39].

В августе 1990 г. Б.Н. Ельцин посетил Казань, Уфу и ряд других национальных столиц. Там он озвучил идею широких перспектив суверенизации автономий, перетягивая на свою сторону региональные политические элиты. Заместитель директора Фонда Ельцина Е. Волк прокомментировал посыл Б.Н. Ельцина следующим образом: Ельцин понимал, что после принятия закона от 26 апреля 1990 г. Россия могла получить «такой же статус и права, как, например, Татария, Башкирия, Якутия, Калмыкия, Мордовия и еще 11 автономий». Поэтому он «предложил автономиям компромисс – берите суверенитета, сколько считаете возможным, но оставайтесь в составе Российской Федерации. План Ельцина сработал» [2]. Впрочем, эти действия сегодня оцениваются по-разному, но в наши задачи анализ описываемых событий не входит. Констатируем факт: в 1990 г. в России начался «парад суверенитетов». Автономные республики в составе РСФСР отказались от статуса автономий и приняли свои декларации о государственном суверенитете [1, с. 39]. Декларация о государственном суверенитете Башкирской Советской Социалистической Республики была принята 11 октября 1990 года. Декларировалась стратегия выстраивания ее отношений с СССР, РСФСР и другими республиками на основе договоров и соглашений. О выходе из состава РСФСР в Декларации от 11 октября 1990 г. ничего не сказано.

СССР как геополитическая реальность прекратил существование в декабре 1991 года. Констатация этого факта зафиксирована в ряде документов. Первым из них является Соглашение от 8.12.1991 о создании СНГ [3]. В РСФСР 25 декабря 1991 г. был принят закон о переименовании государства в Российскую Федерацию (Россию) [4]. Башкирскую ССР 25 февраля 1992 г. переименовали в Республику Башкортостан [5].

В условиях нарастания центробежных тенденций руководство РФ предприняло шаг, нацеленный на сохранение целостности России, – на подписание Федеративного договора, разграничившего полномочия

между федеральными и региональными органами государственной власти (подписан 31 марта 1992 г.). Регионы наделялись законодательными полномочиями в рамках предметов совместного ведения Федерации и субъектов. Отдельные сферы общественно-политической жизни должны были регулироваться федеральным законодательством [6]. Так сложилась двухуровневая система законодательства: первый уровень – федеральное законодательство, второй – региональное. Как отметил С.Н. Клепиков, законотворческая деятельность субъектов РФ рассматривалась как «поиск оптимальных путей развития и конкретизации положений федерального законодательства» [7, с. 13].

В федеральных и региональных нормативно-правовых актах этого периода понятие «информационная безопасность» не упоминается. Однако проблема защиты информации была актуальной и тогда. Впрочем, она была актуальной всегда, с древних времен. В любую эпоху какие-то сведения содержали государственную тайну, секрет производства или личные сведения, не предназначенные для обнародования [8, с. 23]. На этапе становления новой России проблема не могла стать менее актуальной. Поэтому целесообразно рассмотреть, как складывались предпосылки развития правовых основ информационной безопасности в РФ, в каких документах нашли отражения частные проявления этой сферы.

В Федеративном договоре информация и связь были отнесены к ведению федеральных органов государственной власти, что, по идее, могло стать препятствием для правового регулирования информационной среды региональным законодательством. Но Федеративный договор не истолковал понятие «информация», а это понятие имеет несколько значений. Есть мнение, что в юриспруденцию термин «информация» пришел из естественных наук, прежде всего, из математики и физики, вследствие развития информатики [9, с. 7, 10, 21, 23]. Но в российском праве начала 1990-х годов понятие «информация» употреблялось также в широком смысле – при корректировке представлений о правах человека. Так, Декларация прав и свобод человека и гражданина закрепляла право на «тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений» (ст. 9), на получение и свободное распространение информации (ст. 13). Затрагивался и вопрос ограничений права на информацию «в целях охраны личной, семейной, профессиональной, коммерческой и государственной тайны» (ст. 13) [10]. Это означает, что в правовой системе единого толкования информации еще не было. В пункте Федеративного договора, где информация и связь отнесены к ведению Федерации, понятие «информация» использовано как кибернетический термин, при этом регионы не всякую информацию могли рассматривать как предмет федерального ведения. В результате и на федеральном

уровне, и в некоторых регионах были приняты законы, регулирующие деятельность средств массовой информации (СМИ).

Закон РФ «О СМИ» Верховный Совет РФ принял 27 декабря 1991 года. В документе массовая информация определена как «предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы» (ст. 2). Запрещена цензура (ст. 3). Вместе с тем закон ограждал российское общество от злоупотребления свободой массовой информации (ст. 4). Приведем текст статьи 4 в редакции 1991 г. без купюр: «Не допускается использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для призыва к захвату власти насильственным изменению конституционного строя и целостности государства, разжигания национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни, для пропаганды войны. Запрещается использование в теле-, видео-, а также кинохроникальных программах скрытых вставок, воздействующих исключительно на подсознание людей» [11]. В законе, во-первых, обозначены актуальные на тот момент направления защиты информационной среды и, во-вторых, указаны источники информации, которые в формировании информационной среды участвуют. Причем возможности информационных ресурсов представлены достаточно скромно, а о компьютерных технологиях речь вообще не идет.

В первоначальной редакции закона РФ «О СМИ» часть 1 статьи 5 была сформулирована следующим образом: законодательство РФ о СМИ «состоит из настоящего Закона и издаваемых в соответствии с ним других законодательных актов, законодательства о средствах массовой информации республик в составе Российской Федерации». Этим воспользовались четыре региона, в т. ч. Башкортостан. Кодекс Республики Башкортостан «О средствах массовой информации» был принят 5 ноября 1992 года. Некоторые из его положений, представляющих интерес в рамках исследуемой темы, сформулированы так же, как и в законе РФ «О СМИ». В частности, совпадают определения терминов, тексты статей о запрете цензуры и пр. Но есть и отличия. В законе РФ представление о злоупотреблениях свободой массовой информации дано в одной статье (ст. 4). Кодекс РБ, во-первых, разные категории злоупотреблений представил в разных статьях и, во-вторых, расширил их перечень, указав на недопустимость распространения сведений, порочащих человеческое достоинство (ст. 6), вмешательства СМИ в личную жизнь любого человека без его разрешения (ст. 8) и др.

Различия между двумя документами прослеживаются

и в определении ответственности в случаях злоупотреблений свободой массовой информации. Закон РФ за нарушение требований статьи 4 предусматривал «уголовную, административную, дисциплинарную или иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации» (ст. 59). Не исключалось также прекращение судом деятельности СМИ при неоднократных нарушениях требований статьи 4, «по поводу которых регистрирующим органом или Министерством печати и информации Российской Федерации делались письменные предупреждения учредителю и (или) редакции» на протяжении 12 месяцев (ст. 16). Кодекс РБ «О СМИ» предусматривал штрафы, единицей измерения которых являлся МРОТ (ст. 68–71, 84–85). Размер штрафов зависел от разновидности злоупотребления.

В исследуемый период Кодекс РБ «О СМИ» брал под защиту интересы государства, организации и личности, а Закон РФ «О СМИ» – в основном интересы государства. Точнее, закон РФ отразил отдельные разновидности интересов личности и организации (ст. 41, 42). Но эти пункты в статью 4 включены не были. Следовательно, закон форму ответственности за нарушение указанных прав не оговорил. Кодекс РБ, определив основания для наложения штрафов, именно этот пробел и учел.

Есть еще один важный момент. Выше отмечено, что в законе РФ «О СМИ» информационные ресурсы представлены достаточно скромно. Кодекс РБ «О СМИ» регулировал не только печать, теле-, кино-, видео- и аудиовещание, но также вещание «по кабельным, информационно-компьютерным и иным сетям» (ст. 44, 45). В целом понятие «информация» на уровне СМИ использовалось, скорее, в широком смысле, без однозначной привязки к информатике.

В Федеративном договоре к совместному ведению федеральных и региональных органов государственной власти отнесено правовое регулирование интеллектуальной собственности, что также имеет прямую связь с защитой информации. В вопросах интеллектуальной собственности законодателю необходимо было коренным образом изменить правовые нормы, доставшиеся от советского времени, поскольку коренным образом на фоне отказа от социалистических принципов развития государства и общества изменилось отношение к собственности вообще. Как отметил В.М. Мамаев, в СССР термин «интеллектуальная собственность» официально был признан в 1968 г., когда Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Конвенцию об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности. Однако с сущностью этого явления никто особо не разбирался, а почти все изобретения становились собственностью государства, и иное «в условиях тотальной национализации» не предусматривалось [13, с. 39–40].

Обсуждение началось в перестроечный период, во время подготовки законов о собственности в СССР и РСФСР. В итоге оба закона (приняты в 1990 г.) констатировали существование интеллектуальной собственности. Закон СССР к объектам интеллектуальной собственности отнес изобретения, открытия, произведения науки, литературы, искусства и др. (ст. 2). Закон РСФСР – произведения науки, литературы, искусства, а также результаты творческой деятельности в производственной сфере (открытия, изобретения, программы для ЭВМ, базы данных и пр.) (ст. 2). Однако регулирование этой сферы в законах о собственности прописано не было. Вопросы интеллектуальной собственности делегировали «специальному законодательству Союза ССР, союзных и автономных республик» (по закону СССР) / «авторскому праву и иным актам гражданского законодательства (по закону РСФСР)» [14; 15]. Иными словами, интеллектуальная собственность и собственность на ресурсы и имущество рассматривались как разные правовые институты.

31 мая 1991 г. Верховный Совет СССР утвердил Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик. В документ были включены разделы «Авторское право» и «Право на изобретение и другие результаты творчества, используемые в производстве», в которых прописывались механизмы использования соответствующей информации. Предусматривалась защита интересов личности и организации (автора, патентообладателя и т. д.). В частности, оговорено право на защиту от незаконного использования технической, организационной или коммерческой информации, составляющей секрет производства (ст. 151) [16]. Однако ни в одном из упомянутых разделов термин «интеллектуальная собственность» не использован.

После распада СССР проблемой регулирования отношений в интеллектуально-творческой сфере озадачился российский законодатель. Выделим один, можно сказать, исторический день, 23 сентября 1992 г., когда было принято сразу несколько законов, касающихся прав лиц (юридических и физических), занятых интеллектуальным трудом и использующих его результаты. Речь идет о Патентном законе, законах «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных», «О правовой охране топологий интегральных микросхем». Развитие рыночных отношений и, как следствие, конкуренции требовало скорейшего решения этих вопросов на законодательном уровне, тем более что полагаться до поры до времени на правовое наследие предшествующей эпохи не представлялось возможным. Однако уже тогда термин «интеллектуальная собственность» вызвал дискуссии. Спорным, как пишет В.М. Мамаев, стал вопрос о возможности приложения к результатам интеллекту-

ального труда «классических полномочий» владения, пользования и распоряжения, принятых в отношении материальных ценностей. Одни участники дискуссий утверждали, что это возможно, другие придерживались противоположного мнения. А аргументация обеих сторон страдала «ошибками и неточностями» [13, с. 40]. На фоне дискуссий введение в нормативные правовые акты термина «интеллектуальная собственность» было приостановлено. Ни в одном из перечисленных выше законов (в первоначальной редакции) этот термин не встречается. Не встречается он и в законе «Об авторском праве и смежных правах», принятом в июле 1993 года. Вместе с тем вклад в защиту информации законы 1992–1993 гг., безусловно, внесли. Следует также отметить, что пока шли разбирательства с понятием «интеллектуальная собственность», в Республике Башкортостан с региональным законом торопиться не стали, но проблему из поля зрения не выпустили. Защиту права на интеллектуальную собственность гарантировал Кодекс РБ «О СМИ».

Отметим также, что законы «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» и «О правовой охране топологий интегральных микросхем» касались выделенной в Федеративном договоре категории «информация и связь», но не в широком смысле, а в значении, которое подразумевали инициаторы правовой защиты компьютерной информации. Данная категория к полномочиям регионов не относилась.

В исследуемый период закладывалось правовое регулирование архивного дела, также имеющего прямую связь с защитой информации. Так, 19 июня 1992 г. Верховный Совет РФ (высший и одновременно законодательный орган власти) принял постановление «О временном порядке доступа к архивным документам и их использованию». Постановление устанавливало право граждан, учреждений, предприятий, организаций на доступ к архивным фондам, но вводило ряд ограничений. Ограничения касались секретных материалов (для рассекречивания определялся срок в 30 лет) и личных документов (для рассекречивания определялся срок в 75 лет). Допускалось использование личных документов в более ранние сроки, но только с согласия их владельцев или наследников. Правительство РФ (исполнительный орган власти) 24 июня 1992 г. приняло постановление «Об утверждении положения о Комитете по делам архивов при Правительстве Российской Федерации и сети федеральных государственных архивов и центре хранения документации» [17, с. 67–68]. Федеральный закон прямого действия в исследуемый период не принимался. Однако 7 июля 1993 г. был подписан стратегический документ – Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах. Это документ подтвердил ограничения при использовании архивных документов (ст. 20), описал си-

стему Государственной архивной службы (ст. 11) и распределил полномочия РФ и ее субъектов. Использование архивных документов, находящихся в региональных архивах и являющихся федеральной собственностью, отнесено к совместному ведению РФ и субъектов РФ; вопрос об использовании архивных документов, не являющихся федеральной собственностью, отнесен к полномочиям регионов (ст. 4). Соответственно, оговаривалась возможность введения в действие «архивных» законов и иных правовых актов на федеральном и региональном уровнях. И еще один важный момент – все федеральные и региональные нормативные правовые акты, имеющие отношение к Архивному фонду России, «должны соответствовать данным Основам» (ст. 3) [18]. Значит, развитие регионального законодательства в архивной сфере не исключалось, но в этом направлении исключалась законотворческая самостоятельность субъектов РФ. В 1991–1993 гг. в Республике Башкортостан закон, регулирующий деятельность архивов, не принимался.

В июле 1993 г. был принят закон «О государственной тайне», который, в частности, распределил полномочия органов государственной власти по данному вопросу. Законодательное регулирование отношений в области государственной тайны вверялось Верховному Совету РФ. Органы государственной власти субъектов РФ обязывались обеспечивать защиту сведений, составляющих государственную тайну, в пределах своих территорий. Кроме того, они получили право вносить «предложения по совершенствованию системы защиты государственной тайны». То есть о региональном законодательстве в данной области речь не шла. Важно и то, что в законе были определены средства защиты информации – технические, криптографические, программные и другие средства; а также средства контроля эффективности защиты информации (ст. 2) [19].

Итак, в 1991–1993 гг. законодательство РФ, еще не оперируя понятием «информационная безопасность»,

охватило ряд общественно-политических сфер, в рамках которых рассматривалась проблема защиты информации: СМИ, интеллектуальная собственность, в т. ч. в сфере информационных технологий, архивы, государственная тайна. Распределение в Федеративном договоре полномочий предполагало, что субъекты могут посредством региональных нормативно-правовых актов регулировать деятельность СМИ и архивов, а также некоторых вопросов интеллектуальной собственности. Законодатель Башкортостана активизировался только в регулировании СМИ.

Регулирование архивного дела в регионах формально должно было соответствовать Основам законодательства РФ об Архивном фонде РФ и архивах. Это значит, что у субъектов РФ острой необходимости в принятии соответствующих законов не было. В Башкортостане такой закон появился позднее. Интеллектуальная собственность в Федеративном договоре была отнесена к совместному ведению федеральных и региональных органов государственной власти. Однако в исследуемый период не сформировалось однозначное понимание правового соотношения интеллектуальной собственности и собственности материальной. Пока шли дискуссии, Башкортостан законотворческой активности не проявлял.

В целом законотворческие возможности, открывшиеся для регионов на волне «парада суверенитетов», в плане защиты информации широкими не были. На примере Башкортостана можно убедиться, что до подписания Федеративного договора творческий подход к вопросу проявлялся в РБ ярче, после же наметилась тенденция к правовой унификации. На данном этапе законодательство формировалось в отсутствие новой Конституции. Логично заключить, что очередной этап развития правовых основ информационной безопасности начался после принятия Основного закона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овчинников В.А. Декларация о государственном суверенитете РСФСР и ее правовая оценка // Управленческое консультирование. 2013. № 5. С. 37–41.
2. Волк Е. Борис Ельцин: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» // Жизнь. 2015. 26 ноября.
3. Соглашение от 08.12.1991 «О создании Содружества независимых государств» // Российская газета. 1991. 19 декабря.
4. Закон РСФСР от 25.12.1991 № 2094-1 «Об изменении наименования государства Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 2. Ст. 62.
5. Закон БССР от 25.02.1992 № ВС-10/12 «Об изменении наименования государства Башкирская Советская Социалистическая Республика» // Ведомости Верховного Совета и Правительства РБ. 1992. № 1. Ст. 1.
6. Федеративный договор (Москва, 31.03.1992) // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. URL: <https://constitution.garant.ru/act/federative/170280/> (дата обращения: 23.09.2019).
7. Клепиков С.Н. Административная ответственность в субъектах Российской Федерации: монография. Воронеж: Научная книга, 2006. 141 с.
8. Тимербулатов Т.А. Информационная безопасность: об актуальности исторического исследования проблемы // Инновационная наука. 2019. № 9. С. 23–26.
9. Волков Ю.В. Информация – термин юридический. Екатеринбург: Альфа Принт. 2016. 150 с.

10. Постановление Верховного Совета РСФСР от 22.11.1991 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.
11. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 7. Ст. 300.
12. Кодекс РБ от 05.11.1992 № ВС-13/44 «О средствах массовой информации» // Ведомости Верховного Совета и Правительства РБ. 1993. № 5. Ст. 95.
13. Мамаев В.М. Интеллектуальная собственность: прошлое и настоящее // Общественные науки и современность. 1996. № 4. С. 38-44.
14. Закон СССР от 06.03.1990 № 1305-1 «О собственности в СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 11. Ст. 164.
15. Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР» // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.
16. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31.05.1991 № 2211-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.
17. Кузина И.Л. Архивное право. Комсомольск-на-Амуре: КнАГТУ, 2011. 136 с.
18. Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах от 07.07.1993 № 5341-1 // Российская газета. 1993. 14 августа.
19. Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» // Российская газета. 1993. 21 сентября.

© Тимербулатов Тагир Алифович (ib.105@yandex.ru), Юсупов Рахимьян Галимьянович (yusupovr.g@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

